

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург
2016

Редакция журнала:
К.В. Нагорный
В.В. Пенской
А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук О.В. Ковтунова
кандидат исторических наук А.Н. Лобин
кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков
кандидат исторических наук Е.И. Юркевич
Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Пенской В.В.

MILHIST

INFO

ББК 63.3

УДК 94(47).035=161.1(045)''653''(47)

Пенской В.В. Война за Ордынское наследство

В данной работе описываются отношения Крымского ханства с Россией на протяжении XVI в., которые в значительной степени являлись войной за Ордынское наследство. Переломным событием стала битва при Молодях в 1572 г. После нее стало ясно: Крым проиграл «войну двух царей». Затем лишь один раз, в 1591 г., крымцы вторглись в русские земли, но понесли поражение и больше никогда не ходили войной на Московское государство

Ключевые слова: Крымское ханство, Орда, Московское царство, Иван IV, Девлет-Гирей, Гази, Гирей

Автор: Пенской Виталий Викторович, Россия, г. Белгород. В 1992 г. закончил исторический факультет Белгородского педагогического института, работал учителем в школе, после защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук – в Белгородском государственном университете, где и продолжает трудиться и по сей день. Область научных интересов – история России позднего Средневековья – раннего Нового времени и история русского военного дела сер. XV – нач. XVII вв.
syn.boyerskoy2009@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

- Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV-XV вв.). — М., 1975.
- Зайцев И.В. Между Стамбулом и Москвой. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). — М., 2004.
- Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960.
- Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. — М., 2001.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. (с 1487-1533 год) // Сборник Императорского Русского Исторического общества. — СПб., 1882. — Т. 35.
- Крадин Н.Н. Империя хунну. — М., 2002.
- Список со статейного списка подьячего Василия Айтемирева, посланного в Крым с предложением мирных договоров // Записки императорского Одесского Общества Истории и Древностей. — Одесса, 1895. — Т. XVIII. — Кн II.
- Флоря Б.Н. Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. — М., 2001. — Вып. № 10.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1989. — Т. 6. — Кн. III.
- Михневич Н.П. Стратегия. — СПб., 1911. — Кн. 1.

- Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. — М., 1988. — Т. 2.
- Ярлык крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду // Акты западной России. — СПб., 1848. — Т. 2.
- Лист от царя татарского Менъдли Кгирея до панов рад и всихъ русских людей о Киевъ и иныши замъки // *Lietuvos metrika* (1506-1539). — Vilnius, 2011. — Кн. 7.
- Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — Воронеж, 1991.
- Зайцев И.А. Астраханское ханство. — М., 2006.
- Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. I.
- Иловайский Д.И. Рязанское княжество. — М., 1997.
- Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). — М., 1901.
- Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. — 1948. — Т. 27.
- Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московии ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. — М., 1940. — Вып. № 61. История. — Т. 2.
- Manz B. The Clans of the Crimean Khanate, 1466—1532 // *Harvard Ukrainian Studies*. — 1978. — Vol. II. — № 3. September.
- Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. — М., 1994.
- Lietuvos Metrika*. — Vilnius, 1995. — Кн. 8 (1499-1514).
- Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). — М., 1976.
- Зимин А.А. Краткие летописцы XV-XVI вв. // Исторический архив. — М.-Л. 1950. — Т. V.
- Хорошкевич А.И. Россия в системе международных отношений середины XVI века. — М., 2003.
- Таймасова Л.Ю. «Дело Шлитте» // Новый исторический вестник. — 2008. — № 17.
- Документы по истории Волго-Уральского региона XVI-XIX веков из древлехранилищ Турции. — Казань, 2008.
- Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв. — М., 1979.
- Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. — 1947. — Вып. № 22.
- Беляков А.В. Чингисиды в России XV-XVII веков. Просопографическое исследование. — Рязань, 2011.
- Филюшкин А.И. Орден раздора: кто развязал Ливонскую войну? // Родина. — 2002. — № 3.
- Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. — М., 2007. — Т. 1.
- Виноградов А.В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. — 1999. — № 2.
- Пенской В.В. Сражение при Молодях 28 июля — 3 августа 1572 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. II. — С. 127-236. <http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoy_1> (23.08.2012).
- Пенской В.В., Пенская Т.М. «Яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи...»: поход Девлет-Гирея I и сожжение Москвы в мае 1571 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Т. IV. — С. 183-226. <http://www.milhist.info/2013/06/20/penskoy-penskaya_1> (20.06.2013).
- Боплан Г.Л. де. Описание Украины. — М., 2004.

Пенской В. В. Последний бой: нашествие крымского хана Гази-Гирея II на Москву в 1591 г. // История в подробностях. — 2010. — № 5 (ноябрь).

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2016/05/16/penskoy_9

Ссылка для печатных изданий:

Пенской В.В. Война за Ордынское наследство [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 450-480 <http://www.milhist.info/2016/05/16/penskoy_9> (16.05.2016).

Penskoy V. The War of the Golden Horde's Succession

The article examines relations of the Crimean Khanate and the Moscow Tsardom during the sixteenth century and concurs that such relations were mere a competition for the Golden Horde's succession. The breaking point in these relations has become after the Battle of Molodi, 30 July - 3 August 1572, in which the Khanate was defeated. However, in 1591 the Crimean Khanate yet once again tried to invade Russian territory but was defeated decisively; since then the Khanate seized their raids indefinitely

Keywords: the Crimean Khanate; the Golden Horde; the Moscow Tsardom; Ivan IV Vasilyevich "The Terrible"; Devlet I Giray; Ghazi Giray

Author: Vitaly B. Penskoy is a history professor; he currently works at the Belgorod State University, Russia. His specialty is in the late medieval and early modern Russian history, including military history, mid-fifteenth – early seventeenth centuries
syn.boyarskoy2009@yandex.ru

References:

- Grekov I.B. Vostochnaja Evropa i upadok Zolotoj Ordy (na rubezhe XIV-XV vv.) [Eastern Europe and the decline of the Golden Horde (XIV-XV)]. — M., 1975.
- Zajcev I.V. Mezhdru Stambulom i Moskvoy. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaja imperija (nachalo XV — pervaja polovina XVI vv.) [Between Istanbul and Moscow]. — M., 2004.
- Safargaliev M.G. Raspad Zolotoj Ordy [The Collapse of The Golden Horde]. — Saransk, 1960.
- Horoshkevich A.L. Rus' i Krym. Ot sojuza k protivostojaniju [Russia and the Crimea. From the Union to the opposition]. — M., 2001.
- Kradin N.N. Imperija hunnu [The Empire of the Huns]. — M., 2002.
- Florja B.N. Dve gramoty hana Sahib-Gireja [Two letters of Khan Sahib Giray] // Slavjane i ih sosedi. — M., 2001. — Vyp. № 10.
- Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia from ancient times]. — M., 1989. — T. 6. — Kn. III.
- Mihnevich N.P. Strategija [Strategy]. — SPb., 1911. — Kn. 1.
- Zajcev I.A. Astrahanskoe hanstvo [Astrakhan khanate]. — M., 2006.
- Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. — M., 2008. — T. I.
- Ilovajskij D.I. Rjazanskoe knjazhestvo [Ryazan Principality]. — M., 1997.
- Smirnov I.I. Vostochnaja politika Vasilija III [The Eastern policy of Vasily III] // Istoricheskie zapiski. — 1948. — T. 27.
- Syroechkovskij V.E. Muhammed-Geraj i ego vassal [Mohammed-Giray and his vassals] // Uchenye zapiski Moskovii ordena Lenina Gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova. — M., 1940. — Vyp. № 61. Istorija. — T. 2.
- Manz B. The Clans of the Crimean Khanate, 1466-1532 // Harvard Ukrainian Studies. — 1978. — Vol. II. — № 3. September.
- Mihalon Litvin. O nrvah tatar, litovcev i moskvitjan [The manners of the Tatars, Lithuanians and Muscovites]. — M., 1994.
- Lietuvos Metrika. — Vilnius, 1995. — Kn. 8 (1499-1514).
- Rossija na poroge Novogo vremeni. (Ocherki politicheskoi istorii Rossii pervoj tretej XVI v.) [Russia on the threshold of a New time]. — M., 1976.

- Zimin A.A. Kratkie letopiscy XV-XVI vv. [Brief chroniclers of the XV-XVI centuries] // Istoricheskij arhiv. — M.-L. 1950. — T. V.
- Horoshkevich A.I. Rossiya v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij serediny XVI veka [Russia in the system of international relations of the middle of XVI century]. — M., 2003.
- Tajmasova L.Ju. «Delo Shlitte» [«Case Slitte»] // Novyj istoricheskij vestnik. — 2008. — № 17.
- Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona XVI-XIX vekov iz drevlehranilishh Turcii [Documents on the history of Volga-Ural region in the XVI-XIX centuries]. — Kazan', 2008.
- Florja B.N. Proekt antitureckoj koalicii serediny XVI v. [The project of anti-Turkish coalition in the middle of the XVI century] // Rossiya, Pol'sha i Prichernomor'e v XV-XVIII vv. — M., 1979.
- Sadikov P.A. Pohod tatar i turok na Astrahan' v 1569 g. [March of the Tatars and Turks in Astrakhan in 1569 year] // Istoricheskie zapiski. — 1947. — Vyp. № 22.
- Beljakov A.V. Chingisidy v Rossii XV-XVII vekov. Prosopograficheskoe issledovanie. [Genghis Khan in Russia XV-XVII in XV-XVII centuries] — Rjazan', 2011.
- Filjushkin A.I. Orden razdora: kto razvjazal Livonskuju vojnu? [The order of discord: who started the Livonian war?] // Rodina. — 2002. — № 3.
- Vinogradov A.V. Russko-krymskie otnoshenija 50-e – vtoraja polovina 70-h godov XVI veka [Russian-Crimean relations 50s – the second half of 70-ies of the XVI century]. — M., 2007. — T. 1.
- Vinogradov A.V. Krymskie hany v XVI veke [The Crimean khans in the XVI century] // Otechestvennaja istorija. — 1999. — № 2.
- Penskoj V.V. The battle of Molodi 28 July — 3 August 1572 year [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2012. — Vol. II. — P. 127-236. <http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoy_1> (23.08.2012).
- Penskoj V.V., Penskaja T.M. The campaign of Devlet Giray I and the burning of Moscow in May 1571 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2013. — Vol. IV. — P. 183-226. <http://www.milhist.info/2013/06/20/penskoy-penskaya_1> (20.06.2013).
- Boplan G.L. de. Opisanie Ukrainy [Description of Ukraine]. — M., 2004.
- Penskoj V. V. Poslednij boj: nashestvie krymskogo hana Gazi-Gireja II na Moskvu v 1591 g. [The last battle: the invasion of the Crimean Khan Gazi Giray II in Moscow in 1591 year] // Istorija v podrobnostjah. — 2010. — № 5 (nojabr').

Internet link:

http://www.milhist.info/2016/05/16/penskoy_9

Reference:

Penskoy V. The War of the Golden Horde's Succession [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 450-480 <http://www.milhist.info/2016/05/16/penskoy_9> (16.05.2016)

В.В. Пенской

ВОЙНА
ЗА
ОРДЫНСКОЕ
НАСЛЕДСТВО

В истории русско-татарских отношений, насчитывающих не одно столетие, XVI век занимает особенное место, и связано это не в последнюю очередь с событиями, которые можно по праву назвать «борьбой за ордынское наследство» (а если еще точнее, то растянувшейся на несколько десятилетий «войной за ордынское наследство»).

Эта история началась в середине XIV в., когда Золотая Орда, доминировавшая в Восточной Европе с момента своего образования в 40-х гг. XIII в., погрузилась в глубочайший, охвативший все стороны жизни золотоордынского государства и общества кризис, получивший в русских летописях характерное прозвище — «*Великая замятня*». Выйти из него она так и не смогла, хотя многие представители ордынской правящей элиты и предпринимали отчаянные попытки восстановить единство и могущество Орды (на слуху, как всегда, самые выдающиеся из них — Мамай и Едигей). К середине XV столетия распад некогда могущественного государства на отдельные независимые юрты (Большая Орда, Крымское, Казанское и Астраханское ханства, «самовольный» Ногайский юрт) стал реальностью¹. Складывавшаяся десятилетиями система политических отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе оказалась разрушена, и на ее месте возник своего рода политический вакуум.

Однако природа, как известно, не терпит пустоты, и на имущество покойного, а точнее, на место главного, доминирующего игрока в этом регионе, появилось несколько основных претендентов. Прежде всего — Большая Орда, во главе которой в 70-х гг. XV в. встал энергичный Ахмад-хан, а затем его дети Ахматовичи. Главным соперником Ахмата и его детей были крымские Гирей, основатель династии которых, «царевич» Хаджи-Гирей, при поддержке польско-литовских Ягеллонов сумел закрепиться на «острове Каффы» и заявил свои претензии на главенство в «Великом Улусе». Заявку на свою часть золотоордынского наследства сделали и великие литовские князья, еще со времен Ольгерда и в особенности его племянника Витовта успешно прибиравшие к рукам ставшие бесхозными земли на окраинах «Великого Улуса». Наконец, свои замыслы относительно «места под солнцем» на постордынском пространстве вынашивали и бывшие улусники золотоордынских ханов — московские великие князья, исподволь, шаг за шагом, округлявшие свои владения в пределах Русского улуса. В общем, в 70-х гг. XV в. круг основных претендентов на золотоордынское наследство сложился, равно как и их симпатии и союзы. Москва и Крым (в лице великого князя Ивана III и «царя» Менгли-Гирея I, преемника Хаджи-Гирея) заключили союз (по принципу «против кого дружить будем?»), нацеленный против Большой Орды и сдружившихся с ней Ягеллонов.

Московско-крымский союз на первых порах был выгоден обеим сторонам. Имея такого союзника, как Менгли-Гирей, Иван III смог, не опасаясь за тыл, подчинить своей власти Новгород и Тверь, установить протекторат над Псковом, посадить «своего» «царя» в Казани и завязать неплохие отношения с ногаями. Попутно ему удалось избавиться от тяготившей его ордынской зависимости. После этого московский государь, исполненный чувства собственного достоинства, перешел к экспансии на западном литовском направлении, не только заявив претензии на «...всю Русскую землю, Киев, и Смоленск, и иные города», которые, по его мнению, были «...Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»², но и прилично округлив свои владения в ходе войн 1486–1494 и 1500–1503 гг. Вообще, нетрудно заметить, что для Ивана (как и для его сына и преемника Василия) именно западное, «литовское», направление во внешней

политике было приоритетным, и интересы борьбы с Ягеллонами определяли большую часть его внешнеполитических шагов.

Для Менгли-Гирея поддержка Ивана, пусть даже и моральная, существенно облегчала его главную задачу — устранение главного конкурента в борьбе за первенство на просторах «*Великого Улуса*» и «собираение» татарских улусов, на этот раз, под его, крымского «*царя*», высокой рукой. И в конечном итоге Менгли-Гирей своего добился: в ходе противостояния 1500–1502 гг. крымский «*царь*» «...отца своего *цареву Орду достал еси*»³. Ахматовичи потерпели сокрушительное поражение и, хотя и продолжали еще долго вызывать опасения в Крыму, внимательно следившим за их действиями, уже не представляли более конкуренции Гиреям в борьбе за первенство среди татарских юртов. И с этого момента судьба русско-крымского союза была предопределена. В помощи Москвы Кыркор больше не нуждался, а вот возросшая сила Русского государства и великодержавные амбиции Калитичей, равно как и их активная политика (в том числе и в отношении татарских юртов) внушали растущее беспокойство. Это беспокойство было тем серьезнее, если принять во внимание то обстоятельство, что Великое княжество Литовское, способное выступить мощным противовесом москвитам, уже прошло пик своего могущества и явно клонилось к упадку.

Необходимость в русско-татарском союзе отпала еще и потому, что он не был подкреплён сколько-нибудь существенными экономическими выгодами от сотрудничества. Если экономика Казанского ханства или Ногайской Орды были связаны с русской, и от торговли с русскими часть казанской или ногайской элиты имела вполне конкретные осязаемые материальные выгоды (следовательно, в их интересах было сохранить мир с Москвой), то торговые отношения Русского государства и Крыма были развиты не в пример слабее. А значит, в Крыму не могло сложиться влиятельной промосковской «партии», кровно заинтересованной в сохранении прежних добрососедских отношений.

Более того, этому препятствовал и сам характер крымской государственности, диктовавший вполне определенную модель отношений с соседями. Основанное саблей, Крымское ханство поддерживало свое существование с ее же помощью. Отмечаемая современниками воинственность крымцев не была, конечно, их врожденным качеством,

но в определенной степени могла считаться необходимым условием существования татарского общества и государства. Почему? Интересные наблюдения, позволяющие дать ответ на этот вопрос, были сделаны отечественным историком Н.Н. Крадиным, который отмечал существование определенной зависимости кочевников от земледельцев. По его словам, *«...номады в принципе могли обходиться без земледельческих рынков и городов. Само по себе кочевое скотоводство является достаточно независимым и сбалансированным типом адаптации в аридных экологических зонах. Другое дело, что такая адаптация вынуждает от многого отказываться. Образ существования „чистых“ кочевников всегда более скуден, чем быт номадов, использующих дополнительные источники существования»*⁴. В нашем случае достаточно сравнить быт и нравы крымцев и их вечных соперников-конкурентов ногаев. Последние, ближе всего находившиеся к идеалу «чистого» кочевника, были не в пример беднее (и слабее) своих оппонентов. Таким образом, правящая элита кочевников, прежде всего, оказалась перед дилеммой: или смириться с «чистым», но неизбежно бедным и скудным кочевничеством, или же искать способ взаимодействия с соседями-земледельцами. Между тем земледельческие общества, отличаясь от кочевых большей автаркичностью, самодостаточностью, не испытывали особого стремления вступать в экономические и иные контакты с миром номадов (во всяком случае, равноценные, взаимовыгодные). Последние же, нуждаясь в земледельцах, рассматривали их попытки отгородиться от кочевого мира как стремление посягнуть на свою независимость, этническую и культурную самобытность.

К этому стоит добавить и особенности политических отношений в кочевых сообществах. И снова обратимся к мнению авторитетного специалиста. *«Если в оседлом земледельческом обществе основы власти покоились на управлении обществом, контроле и перераспределении прибавочного продукта, то в степном обществе данные факторы не могли обеспечить устойчивый фундамент власти. Прибавочный продукт скотоводческого хозяйства нельзя было эффективно концентрировать и накапливать...»*, — отмечал Н.Н. Крадин. Анализируя особенности функционирования властных механизмов в хуннском государстве, заложившем основы политической традиции, свойственной кочевым государственным образованиям эпохи Средневековья,

он писал, что «...власть хуннских шаньюев, как и власть правителей других степных империй Евразии, основывалась на внешних источниках. Шаньюй являлся верховным военачальником Хуннской конфедерации и имел монополию на представление державы во внешнеполитических и иных связях с другими странами и народами. В этом плане он являлся посредником, который перераспределял „подарки“, дань и полученную во время набегов добычу. В делах же внутренних он обладал гораздо меньшими полномочиями... Если в военное время могущество правителя Хуннской империи держалось на необходимости руководства военными действиями, то в мирное время его положение определялось его способностями перераспределять китайские подарки и товары»⁵. Попытки же действовать в обход традиции, «...значительное притеснение мобильных скотоводов со стороны племенного вождя или другого лица, претендующего на личную власть, могло привести к массовой откочевке от него».

Заменим в этой длинной цитате шаньюя на хана, а хунну на татар, и совпадение основных позиций будет едва ли не на все 100%! Внешнеполитическая активность, успешные набеги и регулярное, постоянное поступление извне «поминков» были залогом политической и социально-экономической стабильности в татарском обществе. Кстати, о «поминках». Москва, весьма щепетильно относившаяся к вопросам государственного престижа, с подозрением рассматривала любые претензии татарских династов на более или менее регулярную выплату пресловутых «поминков», опасаясь, что они будут восприняты «партнерами» как символ возобновления прежних русско-ордынских даннических отношений. Потому рассчитывать на обильные (и регулярные) московские подарки крымской элите не стоило, и это вызывало у нее определенное (и растущее) недовольство. Любопытный факт: в 1692 г. татарские переговорщики выговаривали русскому посланнику В. Айтемирову, что-де совершенно напрасно Москва «...изволила разменную казну отставить», от которой исстари между Русским государством и Крымом «...и дружба, и любовь, и пересылки любительные с обоих сторон были частые». И до тех пор, пока отправка этой «казны» в Крым не будет возобновлена, «...татаровя и поидут на Рус воевать», «за тою де казну юртом станут и дружбы в том никогда не будет»!⁶ Сравним эти высказывания со словами Сахиб-Гирея I, адресованны-

ми малолетнему Ивану IV (а в его лице — окружавшим его советникам-боярам). Хан в 1538 г. писал, что он намерен выступить из Крыма с войском в поход на Москву. И, мол, если великий князь, продолжал Сахиб-Гирей, хочет спасти себя и свою страну от разорения, пускай немедленно «...своего большего посла с своею казною наборзе бы еси его к Путивлю послал. А перед ним бы еси часа того послал к нам сказать, чтоб в малых днях у нас были». «И будеш по моему слову, — гнул свою линию дальше крымский «царь», — ино вельми добро, и мы с тобою, по тебе посматрля, мир учиним». Ну а если Иван, не прислушавшись к голосу разума, по-прежнему будет упорствовать, то тогда, грозил Сахиб-Гирей, «...и ты посмотри, что мы тебе учиним... более ста тысяч рати у меня есть и возму, шед, из твоей земли по одной голове, сколько твоей земле убытка будет и сколько моей казне прибытка будет, и сколько мне поминков посылаешь, смети того, убыток свои которой более будет, то ли что своею волею пошлеш казну и что сколько войною такую возмут, гораздо себе о том помысли. И только твою землю и твое государство возму, ино все мои люди сыти будут»!⁷ Как видно, за полтора столетия ничего не переменялось — или регулярные богатые и обильные «поминки», или война.

Позицию Москвы на этот счет четко и недвусмысленно выразил Иван Грозный, отписывая Девлет-Гирею, что он «...дружбы у царя не выкупает, а похочет с ним царь миритися по любви, и царь и великий князь с ним миру хочет по прежним обычаем»⁸. Понятно, что при таком отношении достичь взаимопонимания Москве и Крыму было более чем сложно, а значит, периодического обострения отношений было не избежать.

Не стоит забывать и еще об одном важном обстоятельстве. Татарам, как и многим другим народам, находившимся на аналогичной стадии развития, был присущ характерный «варварский» этос. Характеризуя его, римский историк Корнелий Тацит, говоря о нравах германцев, писал, что их воинственность подпитывалась представлением о том, что «...потом добывать то, что может быть приобретено кровью, — леность и малодушие». Одним словом, набеги на соседей обеспечивали татар тем, чего им не доставало, давали дополнительный доход, удовлетворяли их страсть к «хищничеству» и способствовали их выживанию в случае хозяйственного кризиса.

Не случайно крымский хан Девлет-Гирей I в послании Ивану Грозному, предлагая русскому царю мир и союз, писал, что *«...только царь даст мне Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану: а голоден я не буду: с левой стороны у меня литовский, а с правой — черкесы, стану их воевать и от них еще сытей буду* (выделено нами. — В.П.)»⁹.

Наконец, вспомним, что на отношения Крыма с Россией, Литвой или Польшей накладывал свой отпечаток и религиозный фактор — татары были мусульманами, тогда как их северные соседи — христианами. Между тем, как отмечал русский военный теоретик и историк Н. П. Михневич, *«...войны однокультурных народов всегда более или менее нерешительны; войны разнокультурных — всегда роковые»*¹⁰.

Исходя из всего этого, предугадать поведение татар по отношению к соседям, учитывая милитаризованный характер кочевых обществ, нетрудно. Неизбежно, рано или поздно, но союз между Москвой и Крымом должен был прекратиться, а отношения дружбы и добрососедства смениться враждой. И как только исчезли политические факторы, заставлявшие крымских Гиреев искать сближения с московскими Рюриковичами, так отношения между Крымом и Москвой стали стремительно охлаждаться, и конфронтация между двумя государствами стала неизбежной.

Начало «холодной» войны между Москвой и Крымом можно отнести к первым годам правления Василия III. Началось все с того, что казанский хан Мухаммед-Эмин, тяготившийся зависимостью от Москвы (он сам или же его окружение — это уже неважно), узнав о том, что Иван III при смерти, поторопился разорвать отношения с Москвой. *«Забыв свое слово, и преступив шертные грамоты,— с негодованием писал русский книжник, — великого князя посла Михаила Кляпика поимал в Казани, и людей великого князя торговых поимал, а иных посекал, а иных пограбив разослал в Нагаи»*. Свершив это дело, хан отправился в набег на Нижний Новгород, правда, без успеха, так как нижегородский воевода А. В. Хабар сумел отбить неожиданное нападение¹¹. Потерпев неудачу под Нижним, Мухаммед-Эмин не оставил планов взять реванш за предыдущие унижения, и сын Ивана, Василий III, дал ему такую возможность. Посланный из Москвы с отмычкой за избиение московских «гостей» удельный князь углицкий

Дмитрий Жилка, брат великого князя (но никудышный полководец), был разбит под Казанью в июне 1506 г.¹²

Однако, несмотря на первые успехи, казанский «царь» понимал, что у Москвы длинная рука и не менее длинная память — не вышло на этот раз, нужно ждать следующего. И осознавая недостаточность своих сил в противостоянии с Василием III один на один, Мухаммед-Эмин поторопился обзавестись союзниками. Сразу после победы над Дмитрием казанский «царь» поспешил обратиться с посланием к Менгли-Гирею I и Александру Казимировичу, предлагая им заключить тройственное соглашение с тем, чтобы вместе отомстить «московскому»¹³. Великий князь литовский (и по совместительству король польский) Сигизмунд I с радостью откликнулся на это предложение (равно как и Менгли-Гирей, посчитавший, что со смертью Ивана III прежние договоренности с Москвой оказались недействительными) и, в свою очередь, предложил магистру Ливонского ордена В. фон Плеттенбергу принять участие в антимосковской коалиции (от этого предложения под благовидными предлогами магистр уклонился¹⁴). Правда, длившаяся два года переписка между Кыркорм, Вильно и Казанью так ни к чему и не привела. Не потому ли, что ни Менгли-Гирей, ни тем более Сигизмунд не собирались лезть в драку вперед остальных своих «партнеров», предпочитая загребать жар чужими руками (и почуявший неладное Мухаммед-Эмин поторопился замирииться с Василием III)?

Так или иначе, но своего рода «дуга нестабильности» вокруг Москвы наметилась. И как тут не вспомнить слова В. О. Ключевского, который, оценивая стратегическое положение Русского государства, писал, что его территориальное расширение во второй половине XV — XVI вв. поставило Русскую землю «...в непосредственное соседство с внешними иноплеменными врагами Руси — шведами, литовцами, поляками, татарами. Это соседство ставило государство в положение, которое делало его похожим на **вооруженный лагерь** (выделено нами. — В.П.), с трех сторон окруженный врагами»!¹⁵ И в этой дуге нестабильности Крым занял одно из первых мест, если не самое главное. Уже в 1507 г. Менгли-Гирей, примеривший на себя «царский» венец и нашедший, что он ему и впору, и к лицу, по старой ордынской традиции пожаловал ярлык «на княжение» великому литовскому князю, Сигизмунду I Старому¹⁶. Среди прочих русских городов, которыми он, Менгли-Гирей,

как истинный ордынский «царь», пожаловал своего «...брата Жигимонта», были Тула, Брянск, Стародуб, Путивль, Рязань и даже Псков с Новгородом Великим с «...люди, тмы, города и села, и дани и выходы, и з землями и з водами и с потоками»!¹⁷ Нельзя не согласиться с мнением отечественного историка В.П. Загоровского, отмечавшего, что «...в 1504–1506 гг. наметилось, а с 1507 г. определилось принципиальное изменение политического курса Крымского ханства. С этого времени на долгие годы Крым стал врагом России»¹⁸. И Василию III очень скоро предстояло в этом убедиться.

Уже летом того же 1507 г. «...прииде весть к великому князю Василию Ивановичю всеа Руси, что идут многие люди татарове на Поле, а чают их приход на украину, на Белеву и на Белевские места и на Одоевские и на Козелские»¹⁹. И хотя большого вторжения татар в русские пределы не состоялось (главные силы татарского войска, направившиеся было на Русь, были вынуждены повернуть на ногаев²⁰), попытка небольшого отряда во главе с Зяньсеит-мурзой напасть на русских все же имела место. Спустя пять лет, в 1512 г., татары снова атаковали, и на этот раз в больших, чем в 1507 г., масштабах, русскую «украину». Крымские «царевичи» выступили походом на Русь, и с конца весны до глубокой осени на границе было неспокойно — то тут, то там «царевичи» пробовали, и не без успеха, на прочность оборону «государевой украины»²¹.

Дальше — больше. В конце 1514 г. крымский «царь» потребовал от Василия III отдать ему, «...Великия Орды великому царю», восемь городов — Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Почеп, Рыльск, Путивль, Карачев и Радогощ, поскольку-де, «...те писанные восемь городов из старины наши были, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали по нашему их слову». Более того, Менгли-Гирей обвинил Москву в недружественной по отношению к нему, «царю», политике, так как Василий III «...королю враждебные чиня дела, без нашего ведома (sic! — В.П.) шед, Жигимонту королю, которому мы, пожаловав, дали Смоленской юрт, воевал его и разрушил, и город Смоленск взял деи еси». Кстати говоря, это требование хан подкрепил посылкой своего старшего сына Мухаммеда-Гирея «...с своею братью и со всеми детми и со многим людьми», которые зимой 1514/1515 гг. атаковали владения вассалов Василия III князей Василия Шемячича и Василия

Стародубского, «...люди у них под города люди многих побили, а иных многих живых переимали»²².

Это откровенно враждебное послание Менгли-Гирея достигло Москвы зимой 1515 г., когда старый хан уже умер, а на престол вззошел его сын Мухаммед-Гирей I. Новый хан занял по отношению к Москве позицию еще более жесткую, чем его отец, но на первых порах не стремился начинать большую войну. О прежнем союзе не могло быть и речи. Как метко заметил отечественный историк И. В. Зайцев, «...и Крым, и Москва часто вели друг с другом двойную игру, лавируя и виляя, отрицая очевидные истины и стремясь убедить противника в заведомой дезинформации»²³. Правительство Василия III стремилось, не обременяя себя чрезмерными расходами и тем более обязательствами, повернуть острие татарской сабли против Литвы (с которой Василий воевал с 1512 г., и конца-края этой войне не предвиделось), а Мухаммед-Гирей стремился добиться помощи Москвы в реализации мечты его отца — собрать под рукой крымских Гиреев осколки Золотой Орды, и прежде всего, подчинить Астраханское ханство. При этом обе стороны не особенно стеснялись в выборе средств для достижения поставленных целей. Так, тот же Мухаммед-Гирей, ведя переговоры с Вильно и с Москвой, не препятствовал своим мурзам организовывать набеги как на Русь, так и на Литву, и при этом переписывался с рязанским князем Иваном Ивановичем, тяготившимся своей зависимостью от Москвы. Василий же поддерживал контакты с братом Мухаммед-Гирея Ахмад-Гиреем (который был в оппозиции к хану и выступал сторонником сохранения прежнего русско-крымского союза) и демонстрировал свое благорасположение вассальному касимовскому хану Шейх-Аулияру, которого крымский хан считал своим личным врагом²⁴. Одновременно Василий III начал шаг за шагом укреплять южную границу Русского государства. Так, в 1509 г. был заложен деревянный кремль в Туле, а спустя пять лет было начато строительство еще более мощного каменного кремля, которое завершилось в 1520 г. Продолжалась расстановка полков на «берегу». При этом, судя по всему, центр тяжести обороны постепенно сместился к востоку. Если в 1513 г. (именно тогда в разрядных книгах впервые был упомянут «берег» как позиция, на которой выстраивались полки поместной конницы) войска были расставлены на Угре, т.е. могли быть задействованы

одновременно и против Литвы, и против татар, то в последующие годы они выстраиваются на «берегу» не только Угры, но и Оки севернее Тулы, в районе Серпухова и Каширы. Спустя несколько десятилетий они станут привычными местами службы для многих сотен и тысяч детей боярских и их послужильцев²⁵.

Никак не добавила теплоты в отношения двух государей и очередная предпринятая татарами летом 1517 г. попытка прощупать прочность обороны южной русской границы. Этот набег закончился для татарской рати весьма печально: она, как говорится в русской поговорке, «Пошла по шерсть, а вернулась стриженной»²⁶. Правда, на первый взгляд, могло показаться, что это и предыдущие набеги не имели радикальных последствий. В течение трех последующих лет на южной границе Русского государства было более или менее спокойно. В Крыму обострилась борьба за власть, и татарской аристократии было не до организации крупных набегов²⁷. Тяжелые, длившиеся несколько лет переговоры между Мухаммед-Гиреем и Василием, казалось, закончились вполне благополучно. Хан был чрезвычайно заинтересован не только в поддержке русским государем его имперских планов, но и в царской нейтральной позиции, пока он, хан, будет бороться с оппозицией. В марте 1519 г. в Москву прибыло долгожданное большое крымское посольство во главе с московским доброхотом Аппак-мурзой²⁸. Посол привез шертную грамоту хана, в которой тот «...учинился с великим князем в крепкой дружбе и в братстве» и «сам собою в головах, и с своим сыном с калгою Богатырем царевичем, и с своею братьею, и с иными царевичи, и з сеиты, и с уланы и с князми, и на всех недругов учинился с великим князем заодин».

Однако свое согласие на возобновление старого союза Мухаммед-Гирей предварил рядом условий, без выполнения которых, по заявлению хана, «...рота моя и шерть моя не в шерть»²⁹. И главным условием, которое должен был выполнить Василий III ради сохранения союза, пожалуй, стало требование Мухаммед-Гирея принять участие в планируемом им походе на Астрахань. Ради этого хан был готов даже на время забыть о своей ненависти к астраханскому царевичу Шейх-Аулияру и его роду и даже закрыть глаза на то, что после смерти казанского хана Мухаммед-Эмина Василий III посадил в Казани «своего» хана, сына Шейх-Аулияра Шах-Али. Более того, Мухаммед-Гирей, демонстрируя

свое изменившееся отношения к Москве, послал летом 1519 г. против Сигизмунда I большое татарское войско во главе с калгой Бахадыр-Гиреем. Крымская рать опустошила Белзское, Люблинское и Хелминское воеводства, а в битве под Сокалем, что на Буге, наголову разгромила выставленное против него польско-литовское войско³⁰.

Однако Василий попытался использовать временное восстановление союза с крымским ханом для того, чтобы оказать давление на Сигизмунда I в переговорах о заключении мирного договора, долженствовавшего завершить наконец-то чрезмерно затянувшуюся войну. Как справедливо отмечал И. В. Зайцев, в эти годы *«...Москва продолжала хитроумно избегать заключения союза против Астрахани и старалась связать астраханские интересы Крыма с собственными — литовскими. Главной задачей было ни в коем случае не обременять себя обязательствами воевать с Астраханью и попытаться сначала нацелить Крым на Литву»*³¹. Впрочем, это не удивительно. Вынашивая идею воссоздания Орды под своим верховенством, крымский «царь» целенаправленно вел политику по подчинению своей власти татарских «юртов», образовавшихся после распада Орды. Ему удалось посадить в Казани своего брата Сахиб-Гирея и нанести поражение ногаям (и вынудить часть ногайских мурз откочевать в таврические степи, признав сюзеренитет Мухаммед-Гирея). Следующей целью «царя» должна была стать Астрахань (а с ее падением ногаи должны были подчиниться власти крымских ханов). И кто тогда смог бы воспрепятствовать воплощению мечты Гиреев о возрождении «Великого Улуса» под их скипетром?

Естественно, такой сценарий развития событий Москву никак не устраивал, поэтому ни о каком широкомасштабном участии русских войск в задуманных ханом походах речи даже и не шло. И стремление Василия всеми силами уклониться от выполнения своих обязательств по отношению к хану, конечно же, никак не могло удовлетворить хана, равно как и попытки московского государя заключить мир с Сигизмундом без участия крымского «царя» (и в самом деле, почему его, «царя», вассалы проявляют такую самостоятельность?). Раздражали Мухаммед-Гирея и попытки Москвы установить более близкие отношения с Османской империей (с которой у хана отношения были далеко не идеальными), и арест по приказу Василия рязанского князя

Ивана Ивановича. Между тем литовская дипломатия удвоила, утроила усилия для того, чтобы заставить Мухаммед-Гирея и татарскую знать отказаться от союза с Россией. Как писал в Москву Аппак-мурза в начале 1518 г., «...от короля черленое золото, белое серебро льется», а сам московский государь не отличался особой щедростью, на что и намекал неоднократно мурза, не раз советуя Василию срочно прислать в Крым «...доброе своего боярина» с «добрыми поминками с прибавкою»³².

Все это не могло не привести ко вполне определенным результатам. Мухаммед-Гирей, стремясь извлечь максимальную выгоду из противостояния Литвы и Москвы, еще в 1519 г. возобновил контакты с Сигизмундом I, которые завершились в октябре 1520 г. заключением договора между ханом и великим литовским князем. Примечательно, что в тексте этого соглашения хан снова повторил, что жалует Сигизмунду Тулу, Псков, Новгород Великий и Рязань, не говоря о прочих городах, отошедших к Москве по итогам предыдущих московско-литовских войн, но был включен и пункт, предусматривавший совместные действия против Русского государства (с небольшой оговоркой, что-де «...на московского вашего неприятеля, коли вамъ будет войска нашего надобе, к нам пришите, мы вамъ людей не будем боронити, коли им грошей на страву пришлете»)³³.

Надо полагать, что к этому времени Мухаммед-Гирей, убедившись в нежелании русского государя способствовать обретению Крымом имперского статуса, окончательно разочаровался в союзе с Василием III. Очевидно также, что в немалой степени этому повороту способствовала щедрость Сигизмунда, не жалевшего денег на подкуп татарской аристократии (кстати, в том же договоре великий литовский князь обязался Мухаммед-Гирею «...давати впоминъка в каждый годъ по петнадцати тысячъ золотыхъ»³⁴ — чем не ордынский выход?), и скупость Василия III. Сыграл свою роль и субъективный фактор. Тот же Аппак-мурза в конце 1520 — начале 1521 гг. в письме Сигизмунду писал, что он был опозорен Василием III, вернувшим его «поминки», и за тот «стыд» он теперь будет мстить «саблею свою» московскому государю³⁵. И хотя Аппак-мурза по своему влиянию на хана и не мог сравниться, к примеру, с калгой Бахадыр-Гиреем или с Ширинами, могущественнейшим «княжеским» татарским родом, тем не менее, по капле вода и камень точит, и, возможно, возвращение

оскорбленного Аппак-мурзы осенью 1519 г. из Москвы в Крым сыграло определенную роль в перемене Мухаммед-Гирея. Во всяком случае, именно на него возлагает ответственность за нашествие русская летопись³⁶.

От слов хан перешел к делу. Примечательно, что под 7028 г. в кратком летописце Марка Левкеинского помещена запись: *«Царь крымской приходил на украину, на берегу стоял, да, и бой был не один, да и прочь пошли»*. И хотя нигде больше об этом походе крымского *«царя»* на *«государеву украину»* не упоминается, тем не менее, это единичное упоминание о *«царевом приходе»* симптоматично — создает впечатление, что Мухаммед-Гирей решил прощупать оборону русских³⁷. И выводы, которые он сделал из этого похода, были для Москвы неблагоприятны.

Летом 1521 г. грянул «крымский смерч» (как образно и вместе с тем метко подметил выдающийся отечественный историк А. А. Зимин). Убедившись в несговорчивости своего московского «партнера», Мухаммед-Гирей решил разрубить тугой узел противоречий взмахом своей сабли и поставить надменного москвитина на место — место послушного *«подручника»* татарского *«царя»*. В Москве догадывались о намерениях хана и заранее предприняли, казалось, все необходимые меры предосторожности: обеспокоились разведкой, выставили полки по *«берегу»* и даже готовили посольство в Стамбул, рассчитывая использовать авторитет султана для того, чтобы заставить Мухаммед-Гирея отказаться от своих намерений. Но все оказалось напрасным. Ошибки воевод (и прежде всего молодого князя Д. Ф. Бельского, номинального командующего войсками на *«берегу»*, на которого молва возложила ответственность за неудачу) привели к трагедии. Неожиданно объявившись на Оке с немалой ратью, Мухаммед-Гирей разбил под Коломной русские полки и опустошил окрестности русской столицы. Отдельные татарские разъезды подошли к самой Москве и *«...в Воробьеве (а село Воробьево находилось всего лишь в 7 км от Кремля, на Воробьевых горах, в районе нынешнего МГУ.— В.П.), в великого князя селе, были и мед на погребех великого князя пили»*³⁸. Растерявшийся и упавший духом Василий III бежал из Москвы, а оставленный «на хозяйстве» в столице его зять, крещеный татарский царевич Петр, был вынужден дать Мухаммед-Гирею грамоту. Согласно этой грамоте

московский государь обязывался стать данником крымского «царя»³⁹. И пусть грамота эта была вскоре утеряна (благодаря хитрости московского наместника в Рязани воеводы И. В. Хабар, сумевшего выманить грамоту у хана)⁴⁰, об этом успехе никогда не забывали и в Крыму, и преемники Мухаммед-Гирея на крымском троне не раз пытались повторить его.

Первым предпринял попытку «царевич» Ислам-Гирей, сын Мухаммед-Гирея, который в сентябре 1527 г. с 10-тыс. ратью явился на Оку под городком Ростиславлем. Однако успех ему тогда не сопутствовал, равно как и его дяде, воинственному Сахиб-Гирею I. Последний, решив вступить за Казань (против которой в Москве замыслили предпринять «за многие неправды» военную экспедицию), холодным летом 1541 г. с 40-тыс. войском (в том числе с собственной пехотой и артиллерией, организованными по образцу и подобию османских капыкулу) подступил к бродам через Оку все под тем же Ростиславлем. В последовавшем затем отчаянном бою немногочисленным ратникам воевод И. И. Турунтая Пронского и В. Ф. Охлябинина удалось не допустить переправы татар через реку, а с подходом главных сил русской армии под началом князя Д. Ф. Бельского хан не рискнул испытывать судьбу и отступил. Жаль, что эта страница отечественной истории незаслуженно забыта, а ведь каков сюжет, достойный античной трагедии или Шекспира! На берегах Оки тем летом встретились два брата. Один, Семен Бельский (который, запутавшись в придворных интригах, бежал сперва в Литву, а затем оказался в Крыму, где предложил свои услуги Сахиб-Гирею), подобно Полинику, пришел на Русь с крымским войском «...доставати дедизны и отчизны свое». Другой же, Дмитрий, как Этеокл, встал на защиту Русской земли во главе московской рати!

Но и «крымский смерч», и «Исланова травка» осенью 1527 г., и приход на «берег» «...Великие орды великого царя силы находяца и победителя» летом 1542 г.— все эти события померкли на фоне развернувшейся с начала 50-х гг. XVI в. борьбы двух царей, русского и крымского, за первенство на постордынском пространстве.

К этому времени Крым окончательно стал позиционировать себя как «третья сила» в Восточной Европе. Конечно, его экономический, людской и военный потенциал не мог сравниться с силой и мощью Московского государства или Великого княжества Литовского, но уме-

Крымский татарин XVI в.
Рис. Шерстнева Е.А, 2016 г.

ло играя на их противоречиях, Крым надолго обеспечил себе место этой самой «третьей силы», с мнением которой не могли не считаться в Москве и в Вильно. И никто не снимал с повестки дня имперские амбиции Гиреев: соединение под их властью всех татарских юртов могло дать им те самые недостающие ресурсы для того, чтобы из «третьей силы» стать «первой». Нужен был лишь повод для того, чтобы борьба, временно приутихшая после убийства Мухаммед-Гирея I, вспыхнула с новой силой.

Похоже, что свечу зажигали с двух сторон сразу. С одной стороны, создается впечатление, что после январского переворота 1542 г. к власти в Москве пришла «партия войны», идейными вдохновителями которой были новый митрополит Макарий, заменивший его на новгородской архиепископской кафедре Феодосий и знаменитый благодаря князю Курбскому протопоп Сильвестр. С подачи этой партии политика Москвы в Поволжье заметно активизировалась, и с 1545 г. начинается казанская эпопея, растянувшаяся на долгих 7 лет, а вместе с ней, пожалуй, можно говорить и о начале «Войны за Ордынское наследство», главными участниками которой стали Москва и Крым. И война эта включала в себя несколько этапов: походы русских войск на Казань, а потом на Астрахань, русско-крымскую войну и завоевание Москвой Сибирского ханства. С другой стороны, Сахиб-Гирей тоже не тратил времени попусту, и, получив известия о том, что захвативший астраханский престол царевич Ямгурчи захватил торговый караван, направлявшийся из Казани в Крым, в 1546 г. захватил Астрахань и подверг ее разгрому. Похваляясь своей победой, он писал годом позже в Москву, что *«...ныне на недруга своего на Астраханского ходили есмя, и Бог милосердье учинил, взяли есмя юрты его, хотели есмя держати, да затем покинули, что место недобро* (уж не потому ли, что Астрахань была памятна Сахиб-Гирею убийством здесь его брата Мухаммед-Гирея немногим менее четверти века назад? — В.П.). *И мы того для людей их и улусов их там не оставили, все пригнали к себе*». Но что могло насторожить Москву больше всего в этом известии, так это следующее намерение хана: *«Ож даст Бог, хотим тот юрт устроить и держати его*». Боле того, сам Сахиб-Гирей полагал, что *«...коли есмя Астрахан взяли, ино нагайские князи Ших-Мамай князь в головах и все мирзы нам послушны учинились: кого мы велим им воевати и им того воевати»*⁴¹.

Ни то, ни другое никак не могло входить в планы Москвы, ибо воскрешало старые ее страхи относительно возрождения *«Великого улуса»*. Понятно, что великодержавные намерения Сахиб-Гирея только усилили позиции тех сил на русском политическом олимпе, которые выступали за окончательное разрешение татарского вопроса. В 1547 г. Иван IV отправляется в свой первый казанский поход, одновременно начиная новый акт дипломатической интриги в Ногайской Орде, рассчитывая привлечь ее на свою сторону (благо и повод был — обеспокоенные астраханскими событиями ногайские бий Шейх-Мамай и его мирзы отправили свое войско воевать Крым, но в битве на подступах к Перекопу зимой 1548/1549 г. оно было разбито крымцами, а с пленными ногаями Сахиб-Гирей приказал жестоко расправиться. Как писал Иван IV в грамоте ногайскому бию Юсуфу, брату и преемнику Шейх-Мамая, *«...крымской царь»* над *«переиманными»* ногаями *«учинил... разные казни, как ни в которых людех ни где и ведетьца, иных на колье сажал, а иных за ноги вешал, а у иных головы отсекая башты делал»*, подчеркнув при этом, что *«зане же нигде того не ведетьца, чтоб тех людей казнити, которые на рати впадут в руки»*).

Любопытно, но к этому времени относится активизация контактов Москвы с Западной Европой, прежде всего, Империей (знаменитая миссия Г. Шлитте). По Европе снова поползли слухи о том, что де Московит намерен признать верховенство римского папы в обмен на получение короны⁴², а отсюда недалеко и до заключения московско-имперского союза, острием своим направленного против Великого Турка (Ганс Шлитте⁴³, ловкий немецкий авантюрист, якобы доставил императору Карлу V Габсбургу послание, в котором Московит изъявлял желание в обмен на признание его, Московита, *«...Императором всея Руси»* и разрешение набербовать в имперских владениях разного рода мастеров ссудить императору *«чистыми деньгами на десять лет 74 бочки чистого золота за небольшой процент, а ежели будет предпринята упорная война против турок, то он (Иван IV.— В.П.) готов выставить на свой счет на благо империи на пять лет 30 тысяч конных людей, с тем, однако, условием, чтобы при успехе войны ему возместили издержки»*)⁴⁴. Стоит также к этому добавить, что Москва в эти годы демонстрирует свое желание замирииться с Великим княжеством Литовским (опять же, в пресловутом послании Ивана IV Карлу V было

заявлено, что «...он (т.е. Иван.— В.П.) *готов заключить со всеми смежными христианскими государями вечный мир*»)⁴⁵ с очевидной целью переориентировать свою экспансионистскую политику с западного направления на юго-восточное.

А теперь сопоставим несколько событий, имевших место в конце 40-х — начале 50-х гг. XVI в. Миссия Шлитте, готовность Москвы замирииться с Великим княжеством Литовским, активизация русской экспансии в Поволжье, два похода во главе с самим царем против Казани, предпринятые в конце 40-х гг. XVI в., растущее вмешательство Москвы в ногайские дела, дворцовый переворот в Крыму, в ходе которого Сахиб-Гирей I, явно переставший обращать должное внимание на поволжские дела и вообще проявлявший излишнюю, по мнению Стамбула, самостоятельность, был убит и заменен Девлет-Гиреем I, и султанское послание последнему, датируемое февралем 1552 г.⁴⁶, в котором султан фактически давал новому хану карт-бланш на любые действия для защиты интересов ислама (читай, османских) в Восточной Европе (сам султан, и без того занятый по горло средиземноморскими делами и войной с Ираном, не имел ни времени, ни сил заниматься еще и Восточной Европой). И поневоле возникает предположение, что все эти события явно из одного ряда и теснейшим образом взаимосвязаны. С одной стороны, налицо обеспокоенность правящей элиты Османской империи неблагоприятным для ее интересов развитием событий в этом регионе (а в Стамбуле вряд ли были не осведомлены о том, что Римская империя и папство давно уже предпринимали попытки привлечь Россию к антиосманской коалиции), которое могло серьезно изменить (и в конечном итоге изменило) расстановку сил в Восточной Европе. С другой стороны, в Крыму казанские и астраханские беглецы, стакнувшись с врагами Москвы при ханском дворе, образовали мощную «партию», которая, подпитываемая литовским золотом (а великий князь литовский Сигизмунд II и его советник Миколай Радзивилл Черный отнюдь не были сторонниками предлагаемого Москвой антитатарского союза. Напротив, Радзивилл, а вслед за ним и Сигизмунд исходили из того, что отношения с Крымом надо всячески крепить и развивать, имея Крым своим союзником и противовесом Москве)⁴⁷, усердно раздувала огонь войны.

И сдержать ее было некому. Агрессивная политика Москвы во 2-й пол. 50-х гг. XVI в., предпринятая на волне победной послеказанской эйфории, как бы намекала, что и вас, крымцев ожидает та же участь, что казанцев и астраханцев. Сулеш-мурза, слывший московским «доброхотом», так передавал русскому послу Афанасию Нагому разговоры при ханском дворе: *«Было у царя слово от царевичев и ото князи и ото всее земли, что царю со царем и великим князем мириться не велят, что взял два юрта мусульманские да немцы взял; ино, деи, поминки дает царю того для — хотя короля извоевати; а как извоеует, и крымскому, деи, юрту от него не пробыти: казанцом де шубы давал — и тем бы шубам крымцы не радовалися — после, деи, того и Казань взял»*⁴⁸. И крыть Нагому было нечем, ибо Иван Грозный и его бояре во 2-й половине 50-х гг. предприняли масштабное наступление на Крым. Его конечной целью должно было стать посажение на крымском троне «своего» хана, благо татарских *«царевичей»* на московской службе было хоть отбавляй)⁴⁹. Это наступление, к которому Иван Грозный и его советники привлекли ногайского бия Исмаила, горских князей (имевших с давних пор свой зуб на Гиреев) и попытались договориться о совместных действиях с Сигизмундом II, велось с двух сторон — по Днепру и Дону. Вершиной наступления стал набег Д. Адашева на собственно *«остров Каффы»* в 1559 г.

Увы, это наступление не привело к желаемым результатам. Ногайский *«Смаиль-князь»* в нужный момент оказался «и не друг, и не враг, а так», и, занятый разрешением внутренних проблем, желаемого в Москве участия в походах на Крым принять не смог. Успешные набеги князя Д. Вишневецкого и русских воевод на крымский юрт оставались не более чем набегами, укусами, но не смертельными. Посылать же Подем на Крым все русское войско в Москве не решились. Видимо, Иван Грозный осознал, во что обойдется эта экспедиция и чего она будет стоить в случае провала (и как тут не вспомнить высказанную А.И. Филюшкиным идею о том, что Сигизмунд II втянул Россию в Ливонскую войну, выбрав невыгодный для Москвы момент⁵⁰. На наш взгляд, эту идею стоит несколько изменить. Сигизмунд, давно вынашивая мысль об инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства по прусскому образцу, содействовал втягиванию Русского государства в войну с Крымом с таким расчетом,

чтобы, воспользовавшись затруднительным положением Ивана, свершить задуманное). Но прекращение наступления и попытки замирения с Крымом, несмотря на все реверансы со стороны Ивана (включая и снос Псельского города, внушавшего крымцам серьезные опасения, поскольку они видели в нем аналог Свияжска) не помогли. Осы выбрались из необдуманно разворошенного гнезда и начали жалить медведя со все возрастающей силой и упорством.

Эти события не могли не вылиться в масштабное, не имевшее аналогов в прошлом противостояние Москвы и Крыма. Бывшие друзья и партнеры стали злейшими врагами, а русско-крымская война 1552–1577 гг. XVI в., которую по праву можно назвать «Войной двух царей», Ивана IV и Девлет-Гирея I, во многом предопределила дальнейшую судьбу не только России и Крыма, но всей Восточной Европы. В самом деле, не Ливонская война 1558–1561 гг., в известном смысле случайная и несвоевременная, и даже не обе русско-литовско-польские войны 1561–1571 и 1578–1582 гг. (они все равно бы начались раньше или позже, ибо этому конфликту не было конца и края — воистину, это была неизвестная 200-летняя война), и тем более не перманентная война со шведами (начавшаяся в 1555 г. и длившаяся с перерывами до 1595 г.), а война на *«крымской украине»* стала главной войной Ивана Васильевича. Именно сюда, как гигантским пылесосом, всасывались ресурсы Русского государства, и здесь, на степной границе, решалась судьба России как влиятельного игрока за столом большого европейского политика. От поражения царских ратей в болотах Ливонии или в лесах Белоруссии будущее Русского государства менялось не сильно, а вот если бы крымский *«царь»* сумел бы отнять у Ивана Грозного Казань и Астрахань, принудить к подчинению ногаев и навязать *«московскому» «Магмет-Киреевы поминки»*, угрожая каждый год повторить успех 1521 г. или, паче того, 1571 г., то будущее Восточной Европы было бы совсем не очевидно.

Понятно, что при таких раскладах борьба приобретала бескомпромиссный характер. И если хан Девлет-Гирей I еще мог рассматривать войну с Москвой как нечто вроде благородной игры правителей (своего рода «шахматы», фигурами в которой были вполне реальные живые люди, а доской — пространство между Москвой и Крымом), отписывая своему московскому *«брату»*, что де *«...мы с тобой с братом*

моим временем бранимся, а временем и миримся»⁵¹, то для Ивана Грозного все выглядело иначе. Неспроста он впоследствии писал хану, что в случае успеха Крым был бы только одной саблей, тогда как Казань другой, Астрахань — третьей, а ногаи — четвертой, и все бы они «секли» Русскую землю⁵².

Собственно говоря, именно в эти годы картина, описанная Дж. Флетчером, та самая, в которой летучие татарские чапгулы, «...кружась около границы (русской — В.П.) подобно тому, как летают дикие гуси, захватывая по дороге все и стремясь туда, где видят добычу»⁵³, стала не просто повседневной реальностью, а подлинным кошмаром. После разрыва отношений с Крымом при Василии III на «берегу» (и тем более за ним, в Поле) никогда не было особенно спокойно (впрочем, аналогичная ситуация складывалась тогда и на литовском рубеже, и на ливонском, и на свейском). Не случайно С. Герберштейн отмечал, что с прекращением союзнических отношений Москвы и Кыркора Василий III «...ежегодно по обычаю ставит караулы в местностях около Танаиса и Оки числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар»⁵⁴. Однако одно дело, когда татарские огланы, князья и мурзы на свой страх и риск ходили малыми «станицами» «за зипунами» на государеву украину, а другое дело, когда эти набеги имели фактически официальную санкцию. И в этой «малой» (не стоит обольщаться ее названием — от этого она не становилась менее кровопролитной, жестокой и трагичной) войне сформировался характерный облик и московского войска, и русского ратника, да что там говорить, всего русского общества и государства.

Но если бы русско-крымское противостояние ограничивалось только борьбой с мелкими отрядами татарских наездников! Хуже было, что «малая» война перемежалась большими нашествиями, когда уже не отдельные отряды-загоны, насчитывавшие несколько десятков или сотен, в лучшем случае тысяч всадников, внезапно налетавшие как из-под земли, а десятки тысяч татарских воинов во главе с ханом-«царем» или его сыновьями-«царевичами» подобно чудовищной грозовой туче, наводящей страх и ужас даже на бывалых людей, надвигались на «государеву украину» в поисках добычи. А. В. Виноградов в этой связи отмечал, что Девлет-Гирей «...возглавлял семь походов на Русское государство (1552, 1555, 1562, 1565, 1571, 1572 гг.) и участвовал

в совместной с турками астраханской экспедиции 1569 г. Готовившиеся ханом крупные походы в 1556 и 1559 гг. не состоялись. Таким образом, на протяжении своего царствования Девлет-Гирей I провел или планировал десять военных кампаний против Русского государства, в том числе такие крупномасштабные, как в 1571 и 1572 гг. Пять нападений было совершено крымскими царевичами — сыновьями хана (1558, 1563, 1570, 1573 гг.), причем все они, кроме 1568 г., возглавлялись калгой Мухаммед-Гиреем и осуществлялись либо с прямой санкции отца, либо при его явном одобрении»⁵⁵. Ни при Менгли-Гирее, ни при Мухаммед-Гирее, ни даже при Сахиб-Гирее такого не было и в помине!

Главными, наиболее масштабными по своему размаху и последствиям, событиями этой войны стали два похода Девлет-Гирей I на Москву, предпринятые в 1571 и 1572 гг.⁵⁶ Девлет-Гирей, политик осторожный и сдержанный, не любивший резких поворотов, с удовольствием разрешил бы спорные с Москвой вопросы миром. Однако неуступчивая позиция Ивана Грозного, категорически отказывавшегося «...выкупать дружбу» у крымского «царя», и давление «партии войны», за спиной которой стоял Стамбул (и маячил призрак удушенного Сахиб-Гирей, слишком самостоятельного и мыслившего категориями прежде всего крымской, а не султанской, выгоды), в конечном итоге склонили хана к нелегкому решению пойти на обострение конфликта. Девлет-Гирей решил продемонстрировать неговорчивому партнеру свою силу и тогда вернуться к обсуждению интересующих Бахчисарай проблем, прежде всего, казанской и астраханской. В Москве не исключали такой возможности, поэтому, наряду с попыткой добиться отмены назревающего набега дипломатическим средствами (для чего в Стамбул был отправлено русское посольство), на южной границе заблаговременно развернули 35–40-тысячную рать. Казалось, все было предусмотрено и подготовлено для встречи басурман, и, имея на руках такие козыри, как многочисленная и хорошо обученная пехота и сильная артиллерия, царские воеводы могли достаточно уверенно рассчитывать на победу в «прямом деле» с неприятелем.

Однако, как отмечал француз Г.А. де Боплан, в степной войне «...побеждает более хитрый, а не более сильный»⁵⁷. И Девлет-Гирей сумел перехитрить московских воевод. Он не пошел прямо на Москву,

на изготовившиеся к встрече крымского «царя» полки Ивана IV, а обошел их позиции с запада и устремился к Москве. Видимо, в изменившиеся планы Девлет-Гирея входил перехват отступающих от Серпухова к столице русских полков и разгром их на марше, после чего по примеру Мухаммед-Гирея I хан рассчитывал «*распустить войну*» в окрестностях русской столицы, а то и разграбить ее, если на то будет воля Аллаха.

Русская разведка сплеховала: своевременно обнаружив выдвижение ханских ратей к государственной уkraine, она проворонила их неожиданный поворот. Тем не менее, командовавший русской ратью князь И. Д. Бельский (сын князя Д. Ф. Бельского, победителя Сахиб-Гирея на Оке тридцатью годами раньше) в последний момент успел все же отдать приказ об отступлении, и его войско сумело ускользнуть от татар, опередив их на пути к Москве буквально на несколько часов. Еще не все было потеряно — силы были примерно равны, а укрепления московского Великого посада и Кремля неприступны. Но, увы, сражение, разыгравшееся под стенами столицы утром 24 мая 1571 г., закончилось поражением русских полков. Начавшийся же в ходе сражения на окраине столицы пожар превратил его, поражение, в катастрофу, которую Москва не знала, пожалуй, с 1382 г. Город был уничтожен практически полностью, за исключением Кремля, который, однако, был сильно поврежден взрывами пороховых складов. Тысячи людей сгорели в огненной буре или задохнулись от дыма.

Хан, пораженный зрелищем огненной бури, отвел свои войска от пылающей Москвы и встал в Коломенском, оттуда наблюдая за грандиозной трагедией, охватившей столицу Ивана Грозного. Похоже, что он не был готов к столь радикальному повороту событий. Он же шел просто пограбить «*государеву уkraine*», а тут такая удача свалилась буквально с неба! Русское войско разбито и небоеспособно, Иван Грозный с началом пожара бежал из столицы в окружении малой свиты и немногих стрельцов, главный город москвитов сгорел дотла и лежал у ног победителя. Но, подобно Ганнибалу после Канн, Девлет-Гирей не стал развивать успех, добивать врага и вынуждать его на пепелище собственной столицы подписывать капитуляции. Он или испугался своей победы, или решил не загонять Ивана в угол, отрезая ему всякие пути отступления (последний вариант нам представляется

боле реальным). Потому он пока решил удовольствоваться синицей в руках, нежели рисковать ради журавля в небе и приказал отступить к югу, распустив по дороге домой «войну».

Еще на обратном пути в Крым Девлет-Гирей отправил к Ивану IV посольство, стремясь выжать из победы максимум возможного. Однако Иван Грозный, оправившись от первоначального шока, разыграл перед татарскими послами спектакль, «...нарядился в сермягу, бусырь да в шубу боранью и бояря. И послам отказал: “Видишь де меня, в чем я? Так де меня царь зделал! Все де мое царьство вышленил и казну пожег, дати де мне нечево царю!”»⁵⁸. Вместе с тем он, пытаясь выиграть время, выразил готовность уступить хану Астрахань при условии заключения военного союза или, в крайнем случае, совместном посажении ханов на астраханский трон.

Девлет-Гирей такое предложение не удовлетворило. Он ожидал большего, и потому начал готовиться к новому походу. В Москве не строили иллюзий относительно намерений крымского «царя», и всю осень, зиму и весну 1571/1572 гг. деятельно готовились к отражению неизбежного вторжения татар. К лету 1572 г. эта подготовка была завершена: собрана 30-тысячная рать во главе с опытным военачальником князем М. И. Воротынским, важнейшие броды на Оке были надежно перекрыты и укреплены, собраны необходимые запасы снаряжения, провианта и фуража, исправлены и приведены в готовность укрепления «украинных» городов, а в Поле, в степь, высланы сторожи. Осталось только дожидаться выступления хана.

Девлет-Гирей не стал медлить. На этот раз он решил не хитрить, а в «силе тяжце», насчитывавшей 40–50 тыс. человек, с пехотой и артиллерией, двинулся по Муравскому шляху прямо на Москву. В субботу 26 июля 1572 г. авангарды крымской армии вышли к Оке в районе Серпухова и с ходу уперлись в русские укрепления по левому берегу реки. Два дня русские сдерживали попытки татарского войска переправиться через реку, а 28 июля, когда неприятелю все же удалось в двух местах форсировать Оку, Воротынский отдал приказ отступить к северу, на заранее намеченные позиции у села Молоди. Здесь русские разбили лагерь, развернули знаменитый «гуляй-город» и сели в осаду. Хан не мог идти дальше на Москву, имея в тылу неразгромленное царское войско, и был вынужден принять битву. В течение нескольких

дней русские полки бились с татарами, которые безуспешно пытались повторить успех прошлого года. Но на этот раз он сопровождал воеводам Ивана Грозного. Татары несли большие потери, среди воинов Девлет-Гирея начался ропот, в схватке 30 июля был взят в плен Дивей-мурза, главный военный советник крымского «царя». А тут еще прошел слух, что к Москве приближается с севера новгородская рать во главе с князем И. Ф. Мстиславским. И хан решился на отчаянный шаг. 2 августа он бросил свои «полки» на последний и решительный штурм русского лагеря. Завязалась «сеча великая». Улучив момент, когда неприятельские атаки стали терять прежний задор, Воротынский нанес контрудар. В лоб татарам из гуляй-города ударили ратники во главе с молодым князем-опричником Д. И. Хворостининым, а сам «большой воевода» с отборной конницей атаковал неприятеля с фланга.

Штурм был отбит с тяжелыми для татар потерями. На состоявшем ночью в татарском лагере военном совете было принято решение о спешном отступлении. Наутро русские сторожи обнаружили, что враг бежал по направлению к Оке. Немедленно вдогонку были высланы «резвые люди», опрокинувшие неприятельский арьергард и на его плечах домчавшиеся до Оки, где был наголову разгромлен еще один татарский заслон. Тем не менее сам хан сумел ускользнуть от преследователей и уйти в Крым с остатками войска.

События лета 1572 г. стали переломными в русско-крымском противостоянии. Напряженность в отношениях еще сохранялась, но «война двух царей» была, безусловно, выиграна Иваном. И хотя ханство еще долго будет представлять серьезную опасность, с которой Москве придется считаться, тем не менее, главное было сделано. Даже в тяжелейшие для Русского государства годы Баториевой войны 1578–1582 гг. Крым так и не решился напасть на Россию. Лишь в 1591 г. сын Девлет-Гирея Гази-Гирей II попытался было пойти по стопам отца, но был разбит под стенами Москвы и бежал в Крым. И это нашествие оказалось последним в истории русско-крымских отношений. Кампания 1591 г. действительно стала «последним боем», после которого крымцы уже не решались предпринимать походы на Русь с далеко идущими целями, ограничиваясь большими и малыми набегами на «государевы украины» с целью ополониться и разжиться «животами»⁵⁹. Апогей могущества

и величия Крымского ханства остался позади. И то, что Крым просуществовал после этого еще почти 200 лет, не повторил судьбу Казани или Астрахани, связано было прежде всего с переориентацией внешней политики Русского государства после Смуты на запад: нужно было сначала вернуть утраченные в те мрачные времена земли, прежде чем снова вернуться к разрешению крымского вопроса.

Ссылки

¹Об упадке и распаде Золотой Орды см. напр.: Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.).— М., 1975; Зайцев И.В. Между Стамбулом и Москвой. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.).— М., 2004; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды.— Саранск, 1960; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию.— М., 2001 и др.

²Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. (с 1487–1533 год) // Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее — сборник ИРИО).— СПб., 1882.— Т. 35.— С. 460.

³Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордями и с Турцией. Т. I // Сборник ИРИО.— СПб., 1884.— Т. 41.— С. 444.

⁴Крадин Н.Н. Империя хунну.— М., 2002.

⁵Там же.— С. 95–96, 182–183, 187.

⁶Список со статейного списка подьячего Василия Айтемирева, посланного в Крым с предложением мирных договоров // Записки императорского Одесского Общества Истории и Древностей.— Одесса, 1895.— Т. XVIII.— Кн II.— С. 22.

⁷Флоря Б.Н. Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи.— М., 2001.— Вып. № 10.— С. 238–239.

⁸Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ).— СПб., 1904.— Т. 13.— Ч. 1.— С. 241.

⁹Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен.— М., 1989.— Т. 6.— Кн. III.— С. 590.

¹⁰Михневич Н.П. Стратегия.— СПб., 1911.— Кн. 1.— С. 38.

¹¹ПСРЛ.— М., 2000.— Т. 19.— Стб. 24–25; ПСРЛ.— СПб., 1959.— Т. 8.— С. 244–245.

¹²ПСРЛ.— СПб., 1959.— Т. 8.— С. 246.

¹³Lietuvos Metrika.— Vilnius, 1995.— Кн. 8 (1499–1514).— Р. 56.

¹⁴Там же.— Р. 79–80.

¹⁵Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах.— М., 1988.— Т. 2.— С. 195.

¹⁶ Ярлык крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду // Акты западной России.— СПб., 1848.— Т. 2.— С. 4–5.

¹⁷ См. напр.: Лист от цара татарского Менѣдли Кгирея до панов рад и всихъ русских людей о Киевѣ и иныши замѣки // *Lietuvos metrika* (1506–1539).— Vilnius, 2011.— Кн. 7.— Р. 90.

¹⁸ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке.— Воронеж, 1991.— С. 46.

¹⁹ ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— Ч. 1.— С. 5.

²⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством...— С. 521.

²¹ См. напр.: ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— Ч. 1.— С. 15; Разрядные книги 1475–1598.— М., 1966.— С. 45; Разрядные книги 1475–1605.— М., 1977.— Т. I.— Ч. I — С. 115; Загоровский В.П. История вхождения...— С. 56.

²² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией...— С. 104, 154–155.

²³ Зайцев И. А. Астраханское ханство.— М., 2006.— С. 82.

²⁴ См. напр.: Герберштейн С. Записки о Московии.— М., 2008.— Т. I.— С. 305, 307; Иловайский Д.И. Рязанское княжество.— М., 1997.— С. 118–120; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией...— С. 527, 640.

²⁵ См. напр.: ПСРЛ.— СПб., 1959.— Т. 8.— С. 250; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.).— М., 1901.— С. 64–66, 68; Разрядные книги 1475–1598.— М., 1966.— С. 61–62, 64–65; Разрядные книги 1475–1605.— М., 1977.— Т. I.— Ч. I.— С. 158–159, 162–163, 166, 167–168, 171–174.

²⁶ ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— Ч. 1.— С. 26.

²⁷ Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки.— 1948.— Т. 27.— С. 28–34; См. также: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией...— С. 607, 619, 631, 668, 670; Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московии ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова.— М., 1940.— Вып. № 61. История.— Т. 2.— С. 19, 55–56; Manz B. The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532 // *Harvard Ukrainian Studies*.— 1978.— Vol. II.— № 3. September.— P. 298, 301–304.

²⁸ ПСРЛ.— СПб., 1959.— Т. 8.— С. 268.

²⁹ ПСРЛ.— СПб., 1959.— Т. 8.— С. 268; См также: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией...— С. 634–635.

³⁰ ПСРЛ.— СПб., 1959.— Т. 8.— С. 268; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством...— С. 547–548; ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— Ч. 1.— С. 33–34; Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян.— М., 1994.— С. 67–66.

³¹ Зайцев И. А. Астраханское ханство...— С. 78.

³² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией...— С. 497.

³³ Lietuvos Metrika...— Р. 383–384, 386.

³⁴ Там же.— Р. 386.

³⁵ Там же.— Р. 390.

³⁶ ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— Ч. 1.— С. 37; Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы...— С. 53; Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.).— М., 1976.— С. 206.

³⁷ Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив.— М.— Л. 1950.— Т. V.— С. 11.

³⁸ ПСРЛ.— Л., 1959.— Т. 26.— С. 311.

³⁹ Герберштейн С. Записки о Московии... С. 417.

⁴⁰ Там же.— С. 421.

⁴¹ Зайцев И. А. Астраханское ханство...— С. 78.

⁴² См.: Хорошкевич А. И. Россия в системе международных отношений середины XVI века.— М., 2003.— С. 116–119.

⁴³ Л. Ю. Таймасова полагает (и ее доводы выглядят довольно убедительно), что Шлитте был агентом банкирского и торгового дома Фуггеров, главного кредитора Габсбургов (Таймасова Л. Ю. «Дело Шлитте» // Новый исторический вестник.— 2008.— № 17.— С. 32–33).

⁴⁴ Донесение нюрнбергского купца Фейта Зенга Аугсбургскому рейхстагу о торговых операциях в Русском государстве и понесенных им издержках // Полосин И. И. Из истории блокады Русского государства // Материалы по истории СССР.— М., 1955.— Т. II. Документы по истории XV–XVII вв.— С. 257–258.

⁴⁵ Там же.— С. 258.

⁴⁶ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции.— Казань, 2008.— С. 103, 104.

⁴⁷ Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв.— М., 1979.— С. 74–75.

⁴⁸ Цит. по: Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки.— 1947.— Вып. № 22.— С. 145.

⁴⁹ О татарских царевичах в Русском государстве см. напр.: Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование.— Рязань, 2011.

⁵⁰ Филюшкин А. И. Орден раздора: кто развязал Ливонскую войну? // Родина.— 2002.— № 3.— С. 51.

⁵¹ Цит. по: Виноградов А. В. Русско-крымские отношения 50-е — вторая половина 70-х годов XVI века.— М., 2007.— Т. 1.— С. 132.

⁵² Виноградов А. В. Русско-крымские отношения 50-е — вторая половина 70-х годов XVI века.— М., 2007.— Ч. II.— С. 234–235.

⁵³ Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов).— М., 1991.— С. 90.

⁵⁴ Герберштейн С. Записки о Московии...— С. 241.

⁵⁵ Виноградов А. В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история.— 1999.— № 2.— С. 64.

⁵⁶ Об этих походах см. подробнее: Пенской В. В. Сражение при Молодях 28 июля — 3 августа 1572 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2012.— Т. II.— С. 127–236. <http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoj_1> (23.08.2012); Пенской В. В., Пенская Т. М. «Яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи...»: Поход Девлет-Гирея I и сожжение Москвы в мае 1571 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2013.— Т. IV.— С. 183–226. <http://www.milhist.info/2013/06/20/penskoj-penskaja_1> (20.06.2013).

⁵⁷ Боплан Г. Л. де. Описание Украины.— М., 2004.— С. 249.

⁵⁸ ПСРА.— М., 1978.— Т. 34.— С. 191–192.

⁵⁹ Пенской В. В. Последний бой: нашествие крымского хана Газигирея II на Москву в 1591 г. // История в подробностях.— 2010.— № 5 (ноябрь).— С. 16–29.